

• АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Мы заметили, что вас теперь называют исключительно Александром Глебовичем. Даже в редакции, между прочим, принято только обращение по имени-отчеству, что в принципе журналистской братии не свойственно. Скажите, много ли на свете людей, которые называют вас Сашей?

- Ну... Даже не знаю. Называют, в общем-то. Я так, ежусь, но довольно спокойно реагирую. Ну, жена называет, конечно. А еще... черт, а кто еще-то? Несколько старых друзей. Но мало, конечно, очень мало.

- Вы вряд ли проводите дома много времени...

- Да. В основном - ночами, когда не в Москве, не на заседаниях Думы.

- А не боитесь, что однажды вернетесь ночью, а жена вам скажет: "Знаешь, Саша, мне это надоело. Я ухожу"?

- Нет. Могу сказать, что, прежде чем поставить штамп в паспорте, я подверг эту девочку предельно жестоким испытаниям. Она, например, была брошена одна за городом в деревянном разваливающемся доме зимой, без воды, без газа, с замерзшим колодезем, с двумя бесконечно срущими щенками. Это только малая часть. И она выдержала все это предельно достойно.

- Это ведь второй брак у вас, скажите, дети уже есть?

- Нет, только дочь от первого брака. Я вижу ее время от времени - как все папы в такой ситуации. А в этом браке детей пока нет. Я же черт знает как занят, я не могу сейчас заниматься воспитанием - а кому еще доверить воспитание своего ребенка? Да я же убью всякого, кто вообще приблизится! Это ведь человека надо растить. Но я думаю, что это все-таки дело довольно близкого будущего.

- Мальчика или девочку хотите?

- Ну конечно, сына. Дочка - это ж расходный материал. Она в 18 лет ушла - и все, и даже фамилия другая, смысл-то какой?

- И каким должен быть сын?

- Повторением отца, естественно.

- А разве дети - не улучшенная копия родителей?

- Нет. Куда уж лучше, что тут улучшать-то?

- ...М-да... Скажите, вы живете сейчас на депутатскую зарплату?

- Да. И частично - предвижу вопрос и говорю сразу - на золотой партии. Есть у нас такой огорожок, где оно закопано, мы там по темноте собираемся. Кто в авоську, кто в карманы.

- И давно вы записались в коммунисты?

- А я не коммунист - я друг коммунистов. Вот помните, был такой фильм: "Верная Рука, друг индейцев"? Он там тоже не был индейцем, он просто был их друг. Вот и я - друг коммунистов.

- Вы уже довольно давно превратились в фигуру одиозную - и собственными усилиями, и подобными высказываниями в том числе. И тем не менее, побывав на недавней вашей пресс-конференции, мы обнаружили, что очень многие ваши высказывания звучат абсолютно здраво...

- Сегодняшние мои доводы, которые кажутся вам разумными, не казались, наверное, таковыми в 91-м году в Вильнюсе. А ведь никакой принципиальной разницы между Вильнюсом-91 и Чечней-95 не существует. Действия подразделений русских войск в Литве были тоже законны. Да, кровавые действия, но армия и не может по-другому - это не школа бального танца. Я же, в общем-то, особо ни в чем себе не изменял. Я был за Конституцию в 91-м, в октябре 93-го, я за Конституцию сейчас. Мне наплевать, какая фамилия у президента - существует закон. И там, где он существует, уместно, по моему, встать на его защиту.

- Как ни странно, сегодняшняя ваша позиция оказалась близка взглядам многих, отнюдь не оппозиционно настроенных политиков, серьезных бизнесменов, да и просто рядовых людей, которых сложно заподозрить в "нашизме".

- Я не буду называть фамилий, но сейчас очень многие и странные, скажем так, для меня люди, подходят и говорят, что заужали, так сказать, поняли. Среди них - известные в прошлом и настоящем деятели

Авторы считают необходимым подчеркнуть, что разделяют далеко не все воззрения собеседника. Да и, если по совести, предпочли бы их не разделять: обаяние и почти физически осязаемая мощь логики, присущие нашему герою, не раз и не два обоглаживались скандалами, обманутыми надеждами и оправданием крови. И все же в чем-то он, видимо, прав. Впрочем, судить читателям. А окончательно рассудит время. Наш собеседник - тележурналист и депутат Госдумы Александр НЕВЗОРОВ.

Александр Невзоров, друг коммунистов

демократического стана. А очень многие из так называемых "нашистов" мне стали совершенно чужими. Я даже со своим близким другом, почти братом, Александром Андреевичем Прохановым разругался. Его "Завтра" стало вести абсолютно истерическую, антивоенную политику.

- И если он вдруг сейчас войдет к вам и протянет руку, вы ему своей не подадите?

- Отчего же? Подам.

И скажу: "Ну и сволочь же ты, Александр Андреевич". Если моя страна ведет войну, то как бы я ни относился к руководству этой страны, я обязан в войне участвовать. Кто стреляет из автомата, кто корпю щиплет, кто кино снимает. Просто нормальный человек обязан - точно так же, как защищать закон, хотя в России это всегда было не-по-пу-ляр-но. И я надеюсь, что судьба никогда не подкинет мне подлости в виде членов партии "Демократическая Россия", запершихся в Доме правительства с автоматами, в то время как их президент будет долбить их танками. Потому что, если произойдет такое, мне придется идти к ним, как бы я их ни ненавидел. И я боюсь, что они там, наверху, это поняли. Сейчас вот они выжали этих своих гайдаров, теперь отшвырнут эту пустую, выжатую куклу, в чем-нибудь обвинив, как и всех своих бывших. И дальше поедут на патриотах. А патриоты, стиснув зубы от отвращения, их повезут. Потому что не считают себя вправе не быть лошадками в государственной колеснице. Они там очень точно ухватили патристическое движение за его так называемый менталитет - извините за грубое слово.

- Но для того чтобы так тонко все рассчитывать, нужно быть гением! Вы знаете там, наверху, хоть одного?

- Не видел. Но есть у меня подозрения на одного человека, не буду называть фамилию. Ти-и-хий такой, в сером костюмчике ходит, бюрократической крысой прикидывается. Гениальный, по моему, человек, хотя тщательно это скрывает.

- Вернемся к чеченской войне. Она раздробила и оппозицию, и демократический стан, но разве она не создала и новые платформы для сближения?

- Нет. Во-первых, в России невозможно действовать гуртом, и всякий, кто хоть немного знаком с историей, это знает. Во-вторых, даже сегодня люди, которых война вроде бы свела рядышком и поставила на одну сторону баррикад, все равно не любят и боятся друг друга. А в-третьих, я - бездарный политик. Это, может быть, смешно, но идеал политика для меня - мой полнейший антипод. Иван Петрович Рыбкин. Будь мы с вами тремя учеными мужиками и запишись сейчас в лабораторию, чтобы вырастить в пробирке идеальный для России политик, мы бы с удивлением обнаружили, что вырастили Рыбкина. Нам абсолютно необходима сегодня именно эта степень порядочности, взвешенности, отстраненности, холодности и удивительного умения не мешать никому - то, что наиболее буйные у нас в Думе называют приспособленчеством. А ведь за ним еще и глубокая человеческая история, он же тоже был мишенью в "Белом доме". Все это именно то, что политике и нужно. Потому что избави нас Господь сегодня от всяких выдающихся личностей. От Лебедей, от Ельциных и им подобных. Все это очень сильные люди. Но, как и всякий силь-

ный человек, готовые всегда пролить кровь и не боящиеся ее - ни своей, ни чужой.

- Но в таком случае избави нас Господь и от вас?

- Как от политика - безусловно.

- И если бы вам предложили пост президента - вы, что, отказались бы?

- Да, совершенно точно.

- А не вы ли, отвечая одной газете на анкетный вопрос о любимом политике, назвали Сталина? Это что, рисовка?

- Нет, я могу объяснить. Баланс, нормальное соотношение сил в обществе, когда никто никого не убивает - а это же самое главное! - достигается только путем демонстрации силы и жестокого урока. Эта мораль неприятна вам как журналистам и людям интеллигентным, она неприятна тысячам образованных, милых, прекрасных москвичей, ленинградцев и так далее - но это так. И Сталин умел этот баланс поддерживать.

- Но какими методами?

- Совершенно жестокими. Хотя мне неизвестно количество пролитой им крови и виновность жертв. Вот вы представление о репрессиях составили по "Архипелагу ГУЛАГ", да? Так начните изучать историю Франции по "Трем мушкетерам"! А я знакомился с делами пика репрессий - 46-47-й годы - и могу сказать, что сидели те, кому и положено было сидеть. Власовцы, ОУНовцы, бандеровцы и прочие. Я не обеляю Сталина и не говорю, что он был идеален. Но он абсолютно четко поставил государство выше личности.

- Ну а ваши же слова - упаси Господь от льющих кровь?

- Да-да, я их и не отрицаю. Но Сталин - все равно любимый. Я же не президент и могу позволить себе такие пристрастия в частном порядке.

- Хорошо, а в частном порядке вы бы приветствовали сегодня приход такого лидера к власти?

- Я воздержусь от ответа... Тем более что сегодня Сталин и невозможен. Вот что я вам скажу: нынешние правители не менее опасны и по-человечески круты, чем тот же Сталин, просто наличие примет цивилизации не дает им разгуляться. Невозможен Сталин при телевидении - как невозможно было бы выиграть при телевидении Великую Отечественную войну. Нам бы НТВ с 22 июня показывало наших несчастных беженцев, непогребенные трупы немецких мальчиков-солдат - носителей культуры, подожженные какими-то хулиганами немецкие танки...

- Невысокого же вы мнения о действиях коллег.

- Знаете, я в самом начале этих событий честно написал в письме Ельцину, что нынешние действия его команды мне дьявольски напоминают действия моих друзей Язова, Крючкова и других. Напоминают неумением справиться с прессой.

- Что вы имеете в виду?

- Самые жесткие репрессивные меры в отношении журналистов и изданий. Потому что в такую минуту каждый из нас должен, прежде чем выдать свою публикацию на страницы или в эфир, увидеть ее глазами того самого солдата на передовой. Я бы, наверное, удавился от стыда, если бы меня не поняли мальчишки, с которыми я встретился там, на фронте. Вот этот Игорь

Григорашенко, который как бы мелькает в эпизоде, но который все равно герой этого "Ада" и ада без кавычек. Он, кстати, погиб через два дня после съемки - на том же самом месте. Вот если бы эти люди скорчили гримасу от того, что я сделал, если бы мне в лицо плюнул в 91-м вильнюсский омоневец - мне было бы больно.

- А если бы, простите, плюнула мать убитого литовца, чеченца, русско-го?

- Утерся бы. Даже не произвело бы особого впечатления.

- Знаете, этой своей незыблемой принципиальностью и готовностью идти на конфликт с кем угодно вы здорово напоминаете еще одного своего политического антипода, который тоже сейчас очень активно действует. Наверное, понятно, о ком идет речь?

- Нет, и о ком же?

- О Сергее Адамовиче Ковалеве.

- Я не вижу никаких принципов у этого старичка. Это нормальный такой юродивый вариант, очень приспособляющийся, очень хитренький...

- Простите, не слишком ли - в отношении человека, прошедшего лагеря?

- Так вы же не знаете, за что, - может, он чего украл? Вы дело читали? Вы видели, сколько он товарищей заложил?! Так что вы мне говорите про героический нимб?! Нет никакого нимба! Когда расстреливали нас - где был председатель Комиссии по правам человека? Поэтому... Уж не знаю, шутка или нет, но говорят, что Ковалев, чтобы во всем быть похожим на Сахарова, предложил руку Елене Боннэр.

- Давайте не будем циничны. И, скажите, вы-то сами читали дело?

- Думаю, что на этот вопрос я вам все равно не отвечу.

- Мы тоже так думали, но переспросить обязаны. Давайте попробуем вкратце подытожить уроки чеченской войны.

- Кошмарность ее заключается в том, что она показала - это все, на что сегодня способна Россия. Если завтра где-нибудь на Шикотане, упаси Бог, сдвинется земная кора - у нас же нет больше ни одного нормального вертолета МЧС. А если еще что случится - нет ни одного БТРа, который бы ходил, нет ни одного солдата! Вот этот потенциал, и его предел виден. Еще есть в этой войне такой... положительно-воспитательный момент. Это страшное зрелище, но очень полезное для многих амбициозных руководителей краев, областей, республик. Существует Конституция и территориальная целостность страны! Ни миллиметра, никому, ни под каким предлогом! А всякий бунт против России будет заканчиваться только так. Еще... Знаете, у меня нет нелюбви к чеченцам, больше того, один из лучших людей на свете, мне известных, конкретный, живущий чеченец, Руслан Лабазанов. Но! С войны сейчас вернутся 100 000 мальчиков, для которых слово "чеченец" будет означать только одно - "мишень". И любой житель Кавказа - то же самое. И как ни цинично это прозвучит, в какой-то степени эти мальчишки, возможно, изменят тот дисбаланс между коренными россиянами и приезжими с Востока, который у нас существует. Это будет делаться на низовых уровнях и делаться, наверное, очень жестоко. Но не могу сказать, что совсем несправедливо. В этих мальчишках я видел возможность... не то чтобы свести счеты, но - внутренне, по-человечески отомстить. За схваченную на рынке за задницу сестру, за девочку, затасанную в автомобиль к четырем кавказцам. Думаю, что эта кавказская война, она и кавказцев научит вежливости по отношению к России. Да, таким жестоким путем. Но политика вообще жестокое дело. И можно сколько угодно кричать, что трупы лежат, что нарушаются права человека - и что? Да хрен с ними!.. Поскольку я не гомосексуалист, права человека меня не интересуют.

Юрий ЗУБЦОВ,
Владимир МАРТЫНОВ
Фото Сергея Хальзова

ПОЛИТИКА В ЛИЦАХ
3

Невзоров Александр

2.95